

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	11
“ПОЛКОВНИК РЕДЛЬ”	
Тарковский и Львов	13
“РОМАНС О ВЛЮБЛЕННЫХ”	
Тарковский и Кончаловский	27
“МОСКВА СЛЕЗАМ НЕ ВЕРИТ”	
Тарковский и СССР	42
“СОЛЯРИС”	
Тарковский и “Советский Ренессанс”	55
“ИЮЛЬСКИЙ ДОЖДЬ”	
Тарковский и шестидесятники	69
“ПОЛЕТЫ ВО СНЕ И НАЯВУ”	
Тарковский и время стагнации	80
“СТАЛКЕР”	
Тарковский и паства	88
“ПОКАЯНИЕ”	
Тарковский и перестройка	104
“ОДИНОКИЙ ГОЛОС ЧЕЛОВЕКА”	
Тарковский и преемники	125
“НЕЖНАЯ КОЖА”	
Тарковский и Трюффо	142

“АНДРЕЙ РУБЛЁВ”. “ЦВЕТ ГРАНАТА”

Тарковский и Параджанов 164

“НОСТАЛЬГИЯ”. “ЗАТМЕНИЕ”

Итальянский Тарковский 187

“МАЛЕНЬКАЯ ВЕРА”

Тарковский и железный занавес 212

“ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ”. “ШЕПОТЫ И КРИКИ”

Скандинавский Тарковский 243

“ДЕНЬГИ”

Тарковский и Каннский фестиваль 274

“ПЕРЕМЕНА УЧАСТИ”. “АССА”

Тарковский и постмодерн 315

“ИВАНОВО (И АНДРЕЕВО) ДЕТСТВО”

Тарковский и “конец истории” 348

“АПОКАЛИПСИС НАШИХ ДНЕЙ”

Тарковский и Новый Свет 381

“ОТЧУЖДЕНИЕ”. “БИТВА НА НЕБЕСАХ”

Тарковский турецкий и мексиканский 420

“ЗЕРКАЛО”

Тарковский, его семья и малая родина 441

ДРЕВО ТАРКОВСКОГО

Тарковский контекст 485

*Автор благодарит за участие в судьбе этой книги
Гилану Килганову и Сергея Николаевича*

ПРЕДИСЛОВИЕ

В пантеоне великих кинематографистов прошлого — от Чаплина и Уэллса до Висконти и Бергмана — есть один, чье наследие стало классикой, но ни в малейшей степени не музейной. Его зовут Андрей Тарковский, и это имя бесконечно много говорит сразу нескольким поколениям кинозрителей. И тем, кто еще застал живого Тарковского (я в их числе), и тем, чьи кинематографические вкусы сформировались уже в нынешнем веке.

Тарковский умер 54-летним в 1986-м — знаменательная веха, когда в СССР началась перестройка, а мировое кино окончательно вступило в эру постмодернизма. Авторское кинотворчество стало отодвигаться на периферию, но Тарковского это не коснулось — наоборот, с годами его аура сияет все сильнее, а влияние его личности и его фильмов только возрастает. Именно этот феномен продленной жизни после смерти вдохновил меня на книгу, которую вы открыли.

Она не содержит подробного анализа творчества А.Т. как такового; это сделано многими исследователями и киноведами. Мой сюжет движется по субъективной траектории личных воспоминаний и профессиональных киноведческих наблюдений, так или иначе соприкасающихся с миром Тарковского, — даже когда речь идет о явлениях вроде бы бесконечно далеких. Соб-

ственно, книга о том, как киноискусство в лице большого художника способно влиять на жизнь человека — неважно, публичного или “обычного” — и даже радикально менять ее. О той интимной связи, которую ощущают с А.Т. люди моего и последующих поколений — и в России, на его родине, и в других странах мира.

Тарковский и мы...

“ПОЛКОВНИК РЕДЛЬ”

Тарковский и Львов

Мы жили в одной империи.

Из разговоров с Иштваном Сабо

Разве это профессия? Кинокритик —
это ведь что-то совсем эфемерное!

Из разговоров в редакции львовской газеты

Книгу о Тарковском начну с упоминания другого прекрасного режиссера — венгра Иштвана Сабо. Я встречался с ним несколько раз и всегда чувствовал какую-то близость — бóльшую, чем обычно с российскими режиссерами, хотя общались мы с Иштваном по-английски, не родном ни для него, ни для меня. Причину этой близости понял не сразу — после того как Сабо однажды пошутил: “Мы жили в одной империи”. Он родился до Второй мировой войны в Будапеште, я после нее — во Львове. Когда-то оба города были частью одной империи; об этом историческом периоде — фильм “Полковник Редль”, самый мой любимый у Сабо. Австро-Венгерская империя исчезла с лица земли больше века назад, однако странным образом продолжает жить в городской атмосфере, в стиле одежды и даже в типах лиц.

Впервые приехав в Вену, я увидел Львов моего детства, только богаче и пышнее; то же самое — в Будапеште, Праге, Кракове. Там я как будто проживал свои прошлые жизни. А реально мы с Иштваном Сабо жили в другой империи — советской.

Про эти территории, переходившие из рук в руки, был анекдот. Умер человек, на его надгробье написали: “Родился в Румынии, учился в Венгрии, женился в Польше, умер в Украине”.

(Сегодня, на фоне российско-украинской войны, могли бы добавить и Россию.) Кто-то сказал: “Повезло человеку: всю жизнь путешествовал”. Кто-то возразил: “Да он никогда не выезжал из своей деревни”.

Из своей “деревни”, то есть из любимого Львова, я бы никогда не уехал, если бы не увлекся кинематографом и если бы не встретился с Еленой, которая стала моей женой и поделила мое увлечение. У нас уже был трехлетний сын Митя, была своя квартира — пусть маленькая, зато с высокими львовскими потолками. Но строить семейный быт в родном городе нам было не суждено: мы уже как будто стали персонажами авантюрного фильма.

У меня была отличная профессия — математика. Львовский университет еще до войны стал центром одной из самых важных в Европе математических школ, мне довелось учиться у профессора Владислава Лянце, прямого ученика Стефана Банаха, основателя этой школы. Но хотя я успешно осваивал тонкости высокой математики, в какой-то момент произошло перенасыщение — и меня потянуло в другую стихию.

Посмотрев несколько фильмов, вышедших в то время в весьма скудный советский прокат, я решил поменять свою жизнь и броситься в штормовое море кинематографа, в котором бушевали тогда “новые волны” — не только французская, но и восточноевропейские: чешская, венгерская... Правда, увидеть эти фильмы на львовских экранах было почти невозможно. Все-таки удалось посмотреть “Звезды и солдаты” Миклоша Янчо, “Отец” того же Сабо. Но главным нашим приобретением стало польское кино, и прежде всего два шедевра Анджея Вайды с похожими названиями — “Пепел и алмаз” и “Пепел”.

Прошло всего тридцать лет с тех пор, как Львов, крупнейший город Галиции, перестал быть польским владением. Хотя после войны осталось совсем немного поляков, культура соседней страны по-прежнему влияла на нашу жизнь. И не только на львовян. Скажем, родившийся во Львове польский писатель-фантаст Станислав Лем был невероятно популярен во всем Советском Союзе. Апофеозом этой популярности стал фильм

“Солярис”, поставленный по его культовому роману Андреем Тарковским и тоже мгновенно ставший культовым. В то время я уже окончил университет и работал в конструкторском бюро телевизионного завода, заочно поступил в московскую киношколу — ВГИК — и начал писать кинокритику. Одна из первых была посвящена как раз “Солярису” и вызвала целую дискуссию в кругах моих итээровских сотрудников.

Крайне редко попадали в прокат фильмы крупных западных мастеров; исключением стало великое “Затмение” Микеланджело Антониони. Помню, как недоумевала публика, не привыкшая к новому режиссерскому киноязыку, как истерически реагировала на нервный смех героини Моника Витти, мучимой демонами некоммуникабельности. Я тоже мало что понял, но вышел озадаченный и готовый к какой-то новой жизни. Начал читать киножурналы — не только московские, но и болгарские, словацкие и особенно польские: их было проще всего купить во Львове. Читая про Феллини и Трюффо, про плеяду блестящих польских актеров и режиссеров, я мало-помалу выучил польский язык.

Признаюсь, в ту пору мы были почти равнодушны к советскому кино. Прорывом в этой стене отчуждения стал “Андрей Рублёв” Тарковского. “Рублёва” мы смотрели с Еленой в кинотеатре на окраине Львова. Позднее я узнал, что этот опальный фильм намеренно выпустили вторым экраном, то есть мизерным тиражом, и показывать распорядились только на периферии. Впечатление было ошеломляющим: потрясли невиданная мощь режиссерских, актерских и живописных образов, свободное дыхание большого исторического кино с очевидными современными аллюзиями. Этот просмотр укрепил нас в решении покинуть Львов и перебраться в Москву, “ближе к Тарковскому”.

Город нашей юности был прекрасен: расслабленный, космополитичный, как будто экстерриториальный по отношению к советской империи. Львовские кофейни, кондитерские, появившиеся в те годы бары в подвальчиках обладали особым стилем, напоминали о других эпохах и других культурах. Украинцы,

русские, евреи, поляки, армяне — все были львовянами. Каждую неделю кто-то приезжал из Польши или Канады, привозил на продажу джинсы и другие модные тряпки. Все это позволяло как бы не замечать убожества советского быта, очередей за элементарными товарами и продуктами, идеологического контроля и слежки, которые были все-таки заметно мягче, чем в сталинские времена.

На самом деле эта идиллия (во всяком случае, такой она казалась нам, молодым) все равно была иллюзией. Львов — город исторических травм и неразрешенных противоречий. Кто-то посчитал, что на протяжении XX века в нем восемь раз менялась власть и дважды, а то и трижды полностью обновлялся состав населения. Известная улица, на которой стоит Политехнический институт, в 1886 году получила имя литовско-польского государственного и военного деятеля Леона Сапегы, в 1940-м улицу назвали Комсомольской, с 1941-го она стала Фюрстенштрассе, с 1944-го — улицей Сталина, с 1961-го — улицей Мира, с 1991-го — улицей Степана Бандеры. На этой улице (тогда — Мира) жила моя будущая жена. Я жил на улице Карла Маркса, учился в школе на Сталинградской (потом — Волгоградской); сейчас они называются, конечно, иначе.

Мои родители оказались в Западной Украине после войны. Тетя, мамина сестра, двадцатилетней девчонкой приехала сюда с тремя подругами-комсомолками “поднимать химическую промышленность”. Они работали на калийном комбинате в городке Калуше, в окрестных лесах шла война советских с бандеровцами, одна из подруг погибла. Тем не менее моя тетя осталась жить в Украине, в совершенстве выучила язык, читала лекции во Львовском полиграфическом институте, была любимицей студентов. А вот ее сестра, моя мама, хоть и прожила большую часть жизни во Львове, стеснялась говорить “на мові”: ей казалось, что у нее плохое произношение.

У нас с женой, родившихся и учившихся на западе Украины, проблемы языка вообще не было. Говорили по-русски и по-украински — в зависимости от компании и от настроения. Среди наших друзей были и те, кто считал себя русинами,

в их среде боролись русофильские и украинофильские тенденции.

Помимо кино мы увлекались поэзией. Сами писали стихи под псевдонимом Леандр (Лена + Андрей), переводили на русский классику украинского модернизма: Владимира Свидзинского и Богдана-Игоря Антонича, а также позднего Миколу Бажана — “Четыре рассказа о надежде (Вариации на темы Рильке)” (1966). Дружили с Григорием Чубаем, выдающимся поэтом львовского андеграунда. Он был связан с правозащитным националистическим движением, подвергался обыскам и арестам и ушел из жизни 33-летним, успев даже поучиться в Москве в Литературном институте. Мы знали о его проблемах с советской властью, да и он их между делом упоминал, но сближала нас в первую очередь любовь к поэзии. У Чубая были великолепные стихи, и очень жаль, что его жизнь так рано прервалась. Увы, это судьба многих больших поэтов.

Из Львова вышел и русскоязычный поэт Илья Кутик, приезжал с востока Украины его друг Алексей Парщиков (позднее, уже в Москве, мы дружили с обоими и с первой женой Парщикова — Олей Свибловой). Мы с Еленой посещали львовскую литературную студию, которой руководил филолог Сергей Фрухт. Это были талантливые, утонченные, образованные люди. Парщикова как поэта оценил Андрей Вознесенский, Кутика — Арсений Тарковский.

Имя Арсения Александровича было нам особенно дорого, ведь Тарковский-отец оставался связующим звеном с Серебряным веком. Именно эта культурная эпоха нас особенно привлекала, мы даже создали общество “Возврат”, посвященное изучению и развитию идей символизма. Наши литературные штудии не прошли мимо зоркого ока КГБ. Когда мы уже жили в Москве, мою жену вызывали на допросы по этому поводу и предлагали сотрудничество с “органами”. Она отказалась — и на несколько лет стала невыездной, даже в социалистическую Чехословакию.

Чехословакия, как и Польша, — соседка Галиции, и мы, львовяне, чувствовали ее близость тоже. Болезненным образом эта близость проявилась в августе 1968-го. Мы познакомились с Еле-